

3. Общественное недовольство

Перед молодежью на долгое время встала проблема ее реальных перспектив и социального продвижения. Несмотря на борьбу с неграмотностью, которая охватила более 5 млн. человек, 40% деревенских детей от 8 до 12 лет оказались вне школы. Росло новое поколение неграмотных (400 тыс. в год). Ассигнования на культуру были мизерными; реальная зарплата преподавателей была вдвое меньше, чем до революции. На XV съезде партии нарком просвещения Луначарский говорил, что советская

власть выделяет школам средств меньше, чем царское правительство. Возможность продвинуться по службе, получить образование по-прежнему была очень мала и в городе, несмотря на рабочие университеты (рабфаки) — 50 тыс. мест и фабрично-заводские училища (ФЗУ) — 90 тыс. мест. В институтах (120 тыс. студентов) четверть мест выделялось для «рекомендованных» от партии или профсоюзов. Сложившееся положение не могло погасить растущее недовольство городской молодежи, разочаровавшейся в нэпе.

Чувство неудовлетворенности особенно выражалось через «распущенность» в личной жизни: законодательно проводилась линия на разрушение семейного уклада (разрешение аборт, брак «de facto» был приравнен к законному браку, развод стал возможен по устной просьбе одного из супругов, без решения суда). Начиная с 1921 г. в Москве и Ленинграде средняя продолжительность браков не превышала восьми месяцев, число разводов в период с 1922 по 1928 г. возросло в шесть раз. На одно рождение ребенка приходилось три официально зарегистрированных аборта. В 20-е годы количество дел об установлении отцовства и выплате алиментов увеличилось одновременно с количеством разводов и достигли в 1929 г. 200 тыс.

Еще одним свидетельством болезни общества стала коррупция, порожденная существованием целого слоя посредников, мелких спекулянтов и частных торговцев (описанных Ильфом и Петровым), заключающих сделки с продажными чиновниками. В обществе существовали две иерархии и два пути для карьеры: один (уже отмирающий) основывался на богатстве (в общем, весьма относительном) — путь нэпманов, предпринимателей и торговцев, другой (на взлете) определялся местом в государственном или партийном аппарате. В обществе, где экономический рост не обеспечивал занятости населения, огромный бюрократический аппарат — более 3,5 млн. государственных служащих, — бездеятельный, коррумпированный и малоквалифицированный (в 1928 г. на всю страну насчитывалось только 233 тыс. специалистов с высшим образованием и 228 тыс. с законченным средним специальным), привлекал к себе всех, кто мечтал о малоутомительной работе или о частичке власти.

Существование паразитической бюрократии, культурный застой, коррупция, «распущенность», невозможность продвинуться по службе, безработица угрожали советской власти. В стране, отсталой почти во всех отраслях народного хозяйства, общество, о котором мечтали большевики, приобретало вид социума, где заправляли тунеядцы, паразиты, спекулянты и продажные чиновники. Ежедневно увеличивалась пропасть между идеей и несбывшейся реальностью. Общее «разгильдяйство» и «социальная деградация» при снисходительном потворстве властей привели к тому, что в конце 20-х годов подавляющее большинство коммунистов высказалось за необходимость «большого скачка» вперед, который означал бы, как во времена «военного коммунизма», возврат к источникам и чистоте революционного учения, «извращенного» новой экономической политикой.